

О.Х. Аймаганбетова* , Е. Лашкова ,
Э.Т. Адилова , З.М. Садвакасова , Н.М. Садыкова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: alnara25@mail.ru

ФЕНОМЕН ТОЛЕРАНТНОСТИ/ИНТОЛЕРАНТНОСТИ КАК ОТРАЖЕНИЕ РАДИКАЛИСТСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В УСЛОВИЯХ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Отдельные проявления радикалистских настроений в Казахстане получили свое развитие в последние годы в связи с ухудшением социально-экономического положения населения, приведшим к социальной и экономической незащищенности, росту безработицы. Коррупция, охватившая все эшелоны казахстанской власти, усиливает осознание социальной несправедливости в обществе, также стала причиной утраты прежних идеалов, девальвации ценностей. И если во многих странах постсоветского пространства радикализм принял формы различных экстремистских группировок, то в Казахстане он долгое время носил латентный и невыраженный характер. Однако события последних дней показали, что и в Казахстане радикализм имеет место быть; из мирных митингов, где поднимались, прежде всего, экономические вопросы, он перерос в массовые проявления неповиновения властям, теракты и насилие по отношению к представителям правоохранительных органов. В связи с этим актуализировалась проблема изучения толерантности/интолерантности как отражения радикалистских тенденций в условиях казахстанского общества.

Объект исследования – казахстанская студенческая молодежь. Предмет исследования – особенности проявления толерантности/интолерантности личности как выражения предрасположенности к радикалистским настроениям. Цель исследования – проведение эмпирического изучения особенностей проявления толерантности/интолерантности личности как выражения предрасположенности к радикалистским настроениям. Для достижения цели был составлен методический инструментарий, включающий 3 методики. Тестирование проводилось с помощью платформы Google Формы. На основе анализа полученных результатов был сделан вывод, что социально-психологический феномен – толерантность/интолерантность, являющийся отражением радикалистских тенденций, определяется гендерными различиями, ингрупповым фаворитизмом, настроениями, менталитетом, картиной мира, ценностями молодежи.

Ключевые слова: толерантность/интолерантность, радикализм, радикалистские тенденции, казахстанская студенческая молодежь, подверженность.

O.Kh. Aimagambetova*, E. Lashkova,
E.T. Adilova, Z.M. Sadvakasova, N.M. Sadykova
Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty
*e-mail: alnara25@mail.ru

The phenomenon of tolerance/intolerance as a reflection of radicalist trends in the conditions of Kazakhstan society

Some manifestations of radicalistic sentiments in Kazakhstan have developed in recent years due to the deterioration of the socio-economic situation of the population, which has led to social and economic insecurity, an increase in unemployment. Corruption, which has engulfed all echelons of the Kazakhstani government, increasing awareness of social injustice in society, has also caused the loss of former ideals, the devaluation of values. And, if in many countries of the post-Soviet space radicalism has taken the forms of various extremist groups, in Kazakhstan it has long been latent and unexpressed. However, the events of recent days have shown that radicalism also takes place in Kazakhstan; from peaceful rallies, where economic issues were raised, first of all, it turned into mass manifestations of disobedience to the authorities, terrorist attacks, and violence against law enforcement officials. In this regard, the problem of studying tolerance/intolerance as a reflection of radicalistic tendencies in the conditions of Kazakh society has been actualized.

The object of the study is Kazakhstani student youth. The subject of the study is the features of the manifestation of tolerance/intolerance of a person as an expression of a predisposition to radicalistic sentiments. The purpose of the study is to conduct an empirical study of the characteristics of the manifestation of tolerance/intolerance of a person as an expression of a predisposition to radicalistic sentiments. To achieve the goal, a methodological toolkit was compiled, including 3 methods. Testing was conducted using the Google Forms platform. Based on the analysis of the results obtained, it was concluded that a socio-psychological phenomenon – tolerance/intolerance, which is a reflection of radicalistic tendencies, is determined by gender differences, in-group favoritism, moods, mentality, worldview, youth values.

Key words: tolerance/intolerance, radicalism, radicalistic tendencies, Kazakhstani student youth, susceptibility.

О.Х. Аймағанбетова*, Е. Лашкова,
Э.Т. Адилова, З.М. Садвакасова, Н.М. Садыкова
Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
*e-mail: alnara25@mail.ru

Қазақстан қоғамы жағдайында толеранттылық/интолеранттылық құбылыс радикалистік дамудың көрінісі ретінде

Қазақстанда соңғы жылдары халықтың әлеуметтік-экономикалық жағдайының нашарлауына, әлеуметтік-экономикалық қауіпсіздіктің бұзылуына, жұмыссыздықтың артуына байланысты радикалистік көңіл-күйдің белгілі бір көріністері қалыптасты. Қазақ билігінің барлық эшелондарын шарпыған сыбайлас жемқорлық қоғамда әлеуметтік әділетсіздіктің санасын арттырып, бұрынғы мұраттардың жоғалуына, құндылықтардың құнсыздануына да себеп болды. Ал, егер посткеңестік кеңістіктің көптеген елдерінде радикализм әртүрлі экстремистік топтардың формасына ие болса, Қазақстанда ол ұзақ уақыт бойы жасырын және білдірілмеген сипатқа ие болды. Дегенмен, соңғы күндердегі оқиғалар радикализмнің Қазақстанда да орын алғанын көрсетті; ең алдымен экономикалық мәселелер көтерілген бейбіт митингілерден бастап ол билікке бағынбаудың, терактілердің және құқық қорғау органдарының өкілдеріне зорлық-зомбылықтың жаппай көріністеріне айналды. Осыған байланысты қазақстандық қоғам жағдайында толеранттылық/интолеранттылық радикалистік дамудың көрінісі зерттеудің өзекті мәселесі болды.

Зерттеу объектісі – қазақстандық студент жастар. Зерттеу пәні жеке тұлғаның радикалистік көңіл-күйге бейімділік көрінісі ретіндегі толеранттылық/интолеранттылық көрінісінің ерекшеліктері болып табылады. Зерттеудің мақсаты – жеке тұлғаның радикалистік көңіл-күйге бейімділік көрінісі ретіндегі толеранттылық/интолеранттылық көрінісінің сипаттамаларына эмпирикалық зерттеу жүргізу. Мақсатқа жету үшін 3 әдісті қамтитын әдістемелік құрал құрастырылды. Тестілеу Google Формы платформасы арқылы жүргізілді. Алынған нәтижелерді талдау негізінде радикалистік дамудың көрінісі болып табылатын жастардың әлеуметтік-психологиялық құбылыс – толеранттылық/интолеранттылық гендерлік ерекшеліктермен, топ ішіндегі фаворитизммен, көңіл-күймен, менталитетімен, дүниетанымымен, құндылықтарымен анықталады деген қорытындыға келді.

Түйін сөздер: толеранттылық/интолеранттылық, радикализм, радикалдық дамулар, қазақстандық студент жастар, сезімталдық және т.б.

Введение

Как утверждает канадско-американский исследователь М. Нойманн, радикализм представляет собой «лишь только средство, инструмент «делания вещей» (Нойманн, 1988:230). В широком аспекте его можно рассматривать как определённый способ и метод, благодаря которому можно предложить и решить конкретные задачи по изменению политико-правовой, социально-экономической действительности, способствующей улучшению жизнедеятельности общества. В то же время радикализм можно рассматривать и с точки зрения

личности, стремящейся улучшить и совершенствовать существующую в стране политическую, социально-экономическую ситуацию. Поэтому в последние годы понятие «радикализм» стало исследоваться и в психологическом контексте. Следовательно, в контексте психологии радикализм можно рассматривать как феномен, определяемый не только социальными, этническими, культурными, но и личностными особенностями, и как психологический механизм, способствующий перестройке и реорганизации существующей идеологической, социально-политической, экономической, психологической обстановки в обществе.

Современная ситуация в Казахстане такова: из-за резкого падения цен на энергоносители произошло ухудшение социально-экономического положения населения в целом, высокий уровень инфляции, рост безработицы, ослабление роли семьи, социальная и экономическая незащищенность, разорение аула стали причиной утраты прежних идеалов, девальвации ценностей. Одним из раздражающих и усиливающих осознание социальной несправедливости явлений в обществе является коррупция. Положение молодежи усугубляется еще тем, что в стране до сих пор отсутствует четко обозначенная национальная идея, которая смогла бы объединить всю молодежь независимо от социального положения, этнической и конфессиональной принадлежности. Поэтому в последние годы, характеризуя молодежь, ученые часто используют понятие «потерянное поколение», т.е. такое поколение, которое не сможет справиться со своей исторической миссией, не сможет оказать положительное влияние на последующие поколения. Однако к «потерянному поколению» относится не вся казахстанская молодежь. Дети чиновников, крупных бизнесменов уже во втором поколении незаслуженно занимают привилегированные места в государственном аппарате, органах управления, национальных корпорациях и др., что приводит к еще большему расколу между представителями одного поколения.

Несмотря на то, что в стране принят Закон «О государственной молодежной политике в Республике Казахстан» № 581 от 7 июля 2004 года, в 2011 году принята программа «Дорожная карта бизнеса 2020», «Программа развития регионов» и реализуется молодежный проект «С дипломом в село», реальной поддержки они не принесли, механизмы государственной поддержки молодежи до сих пор не работают.

И если в прошлые годы к радикалам примыкали в основном русскоязычные казахи, как правило, которые видели социальную несправедливость, но при этом имели высшее образование, работу, то в последние годы можно отметить и казахоязычную молодежь – выходцев из аулов. Переселившись в областные центры, в крупные города, они столкнулись с социальной и экономической необустроенностью. Согласно статистическим данным, около 80% осужденных за участие в радикальных движениях в Казахстане – это выходцы из маленьких городов и аулов, те, кто не имел постоянного места работы и места жительства. Как правило,

они занимались частным извозом, работали на рынках (Бейсембаев, 2014; 2019).

По мнению политолога Е. Карина, все радикальные группы можно разделить на подгруппы. Во-первых, это диверсионные, состоящие из молодых людей, которых специально готовят за границей, они имеют свои конкретные цели и планы. Вторую группу составляют так называемые джамааты, представляющие собой сообщество молодых успешных людей, объединенных общей религиозной основой. Многие из них успешно трудятся в государственных структурах и занимаются крупным бизнесом. И наконец, третья группа представляет собой обычные банды, которые взяли на вооружение религиозно-радикальные лозунги. Для таких групп религиозно-экстремистская идеология служит прикрытием для совершения ими разбоев, грабежей, обычного рэкета и других противоправных действий. По мнению Е. Карина, именно в этом кроются особенности радикализма, получившего развитие в последние годы (Карин, 2014), что, собственно говоря, было подтверждено событиями, произошедшими в начале января 2022 года во многих городах республики, когда к мирным митингам примкнули вооруженные организованные ряды группы молодых людей, захватившие административные здания, принявшие участие в разбоях и мародерстве, оказавшие вооруженное сопротивление.

Всвязисэтимособуюзначимостьприобретают создание специальной программы, сочетающей проведение своевременной диагностики, и на ее основе проведение постоянного мониторинга радикальных проявлений радикализма. На наш взгляд, одной из важных составляющих этой программы может стать изучение социально-личностных особенностей молодежи, в том числе толерантности/интолерантности, как показателя подверженности радикалистским настроениям

Проблема. Толерантность также предлагают рассматривать как «сложную социально-психологическую установку личности, выражающуюся в терпимости к чужому образу жизни, чужим обычаям, традициям, нравам, иным чувствам, мнениям и идеям» (Анциферова, 2007). Межэтническую толерантность рассматривают как «основанную на уважении к другой личности, ее правам и свободам устойчивость индивида или группы к не представляющим собой социальной угрозы и отличным от собственных этнических

культурных образцов идеям, мнениям, традициям, верованиям, обычаям, нормам, образцам поведения и т. д.» (Литвинова, 2007). Что касается определения интолерантности, особенно в этническом и конфессиональном аспекте, проявляющейся в различных формах экстремизма, то среди ее основных характеристик, прежде всего, можно выделить высокий показатель негативной этнической идентичности, межэтническую напряженность, различные проявления национализма, расизма, шовинизма, ксенофобии, которые становятся причиной не только межэтнической напряженности, но и часто приводят к развитию не только экстремизма и терроризма, но и конфликтов (Малютин, 2007). В связи с этим, в силу усиливающихся в последние годы радикалистских настроений среди молодежи, особенно в странах постсоветского пространства, приведших к «цветным» революциям в Киргизии, Украине, Грузии, Армении, теперь и в относительно благополучном и спокойном Казахстане, изучение проблемы толерантности/интолерантности в условиях полиэтнического общества, особенно молодежи, становится сегодня актуальным и очевидным.

Таким образом, входе нашего исследования было выделено проблемное поле, определяемое динамикой формирования толерантности как социальной нормы взаимодействия в поликультурном обществе, препятствующей развитию радикалистских и экстремистских настроений.

В этой связи *целью исследования* явилось изучение особенностей проявления толерантности/интолерантности личности как выражения предрасположенности к радикалистским настроениям.

Материалы и методы

Для проведения эмпирического исследования был создан методический инструментарий, включающий: Экспресс-опросник «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А. Шайгерова); Методика «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ВИКТИ) Г.Л. Бардиера и методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма Д.Г. Давыдова, К.Д. Хломова. Тестирование проводилось с помощью платформы Google Формы. Математическая обработка данных производилась с помощью статистического пакета SPSS, версия 23.0: U-критерий Манна-Уитни (Mann-Whitney U test) и корреляционный анализ (r-Spearman's).

Результаты

Диагностическая методика «Шкалы склонности к экстремизму» (Violent Extremism Attitude Scales – VEAS) представляет собой опросник, с помощью которого можно выявить диспозиции, показывающие существование некоторых аспектов, присущих для насильственного экстремизма. На рисунке 1 представлены показатели 11 шкал.

Рисунок 1 – Уровень склонности к насильственному экстремизму (ср. ариф.)

Из рисунка 1 видно, что превышен максимальный показатель по 4 шкалам:

- культ силы (24 балла);
- допустимость агрессии (26 баллов);
- конвенциональное принуждение (24 балла);
- конформизм (26 баллов).

Поскольку превышение показателей отмечается по 4 шкалам, то можно говорить о предрасположенности молодежи к проявлению экстремизма. Важно отметить, что исследование проводилось онлайн в связи

с пандемией и систематически вводимыми локдаунами, что тоже могло сказаться на том, что результаты по шкалам «культ силы» и «конвенциональное принуждение» повышены. По остальным субшкалам респонденты демонстрируют значения в пределах нормы. С помощью U-критерия Манна-Уитни были изучены гендерные различия склонности к насильственному экстремизму VEAS, данные представлены в таблице 1 и на рисунке 2.

Таблица 1 – Значимые различия в склонности к насильственному экстремизму

Переменные	Ранги		U	p
	юноши	девушки		
Культ силы	18,10	12,20	62,000	0,05
Допустимость агрессии	19,07	11,93	59,000	0,03
Нормативный нигилизм	18,50	12,50	52,500	0,02
Конформизм	12,43	18,57	52,500	0,02

Рисунок 2 – Значимые различия в склонности к насильственному экстремизму (ср. ранги)

Из таблицы 1 и рисунка 2 видно, что значимые различия выявлены по 4 шкалам из 11:

- культ силы ($p \leq 0,05$);
- допустимость агрессии ($p \leq 0,03$);
- нормативный нигилизм ($p \leq 0,03$);
- конформизм ($p \leq 0,02$).

У юношей показатели по шкалам «культ силы», «допустимость агрессии» и «нормативный

нигилизм» выше, чем у девушек. То есть юноши воспринимают мир с позиции «сильный-слабый», для них характерна личная готовность к насилию в ситуации фрустрации и игнорирования норм поведения. У девушек выше показатели по шкале «конформизм», что указывает на слабость внутренних регуляторов поведения и чувство высокой групповой сопричастности.

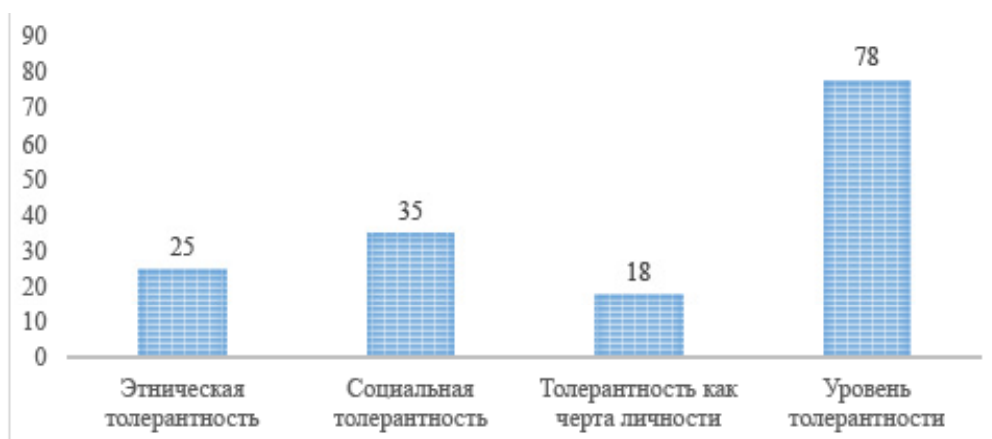

Рисунок 3 – Уровень толерантности студентов (ср. ариф.)

На рисунке 3 представлены показатели толерантности, полученные в ходе проведения экспресс-опросника «Индекс толерантности», предложенного российскими психологами Г.У. Солдатовой, О.А. Кравцовой, О.Е. Хухлаевым, Л.А. Шайгеровой.

Из данных, представленных на рисунке 3, видно, что общий интегративный уровень толерантности студентов равен 78 баллам, соответствующим среднему уровню толерантности, что является свидетельством сочетания толерантных и интолерантных черт у студенческой молодежи. Таким образом, студенческая молодежь может демонстрировать в одних социальных ситуациях толерантное поведение, а в других социальных ситуациях – напротив, может проявить интолерантность. 87% студенческой молодежи демонстрируют средний уровень толерантности, 11% студентов показали низкий уровень, и лишь у 2% студентов выявлен высокий уровень толерантности.

По субшкалам студенты демонстрируют следующие результаты:

- средний уровень толерантности в отношении к членам других этносов групп и межэтнического взаимодействия;
- высокий уровень толерантности по отношению к другим социальным группам, имеющим место быть в данном обществе, и некоторым социальным процессам;
- низкий уровень толерантности, рассматриваемой как социально-психологическая особенность личности, определяющая отношение молодых людей к окружающему миру.

Таким образом, можно составить рейтинг видов толерантности у студентов по данным

экспресс-опросника «Индекс толерантности» (см. рисунок 4).

Рисунок 4 – Рейтинг видов толерантности у студентов по данным экспресс-опросника «Индекс толерантности»

Студенческая молодежь демонстрирует наибольшую значимость в структуре идентичности таких аспектов толерантности, как социальная и межэтническая толерантность, и наименьшую значимость личной толерантности (умение прощать, понимать и выслушивать другие точки зрения). Полученные результаты показывают наличие границ, которые позволяют разделять и дифференцировать имеющиеся у студентов представления о различных этнических и социальных особенностях групп взаимодействия, при отсутствии снисходительности, пренебрежительного и безразличного отношения к ним.

С помощью U-критерия Манна-Уитни были изучены гендерные различия в видах толерант-

ности, для этого были использованы методики «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О.Е. Хухлаев, О.А. Кравцова, Л.А. Шайгерова), данные представлены в таблице 3 и на рисунке 5.

Из данных, представленных в таблице 1 и на рисунке 5, видно, что обнаружены достоверные различия в видах и уровне толерантности между юношами и девушками:

- девушки демонстрируют более высокий общий уровень толерантности, социальной то-

лерантности и развития толерантности как черты личности ($p \leq 0,05$);

- этническая толерантность у юношей и девушек развита в одинаковой мере.

Для детального анализа представлений о толерантности у студентов, ее видах и компонентах была применена методика Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ВИКТИ). На рисунке 6 представлен рейтинг видов толерантности у представителей студенческой молодежи.

Рисунок 5 – Значимые различия в видах толерантности, полученные с помощью экспресс-опросника «Индекс толерантности» (ср. ранги)

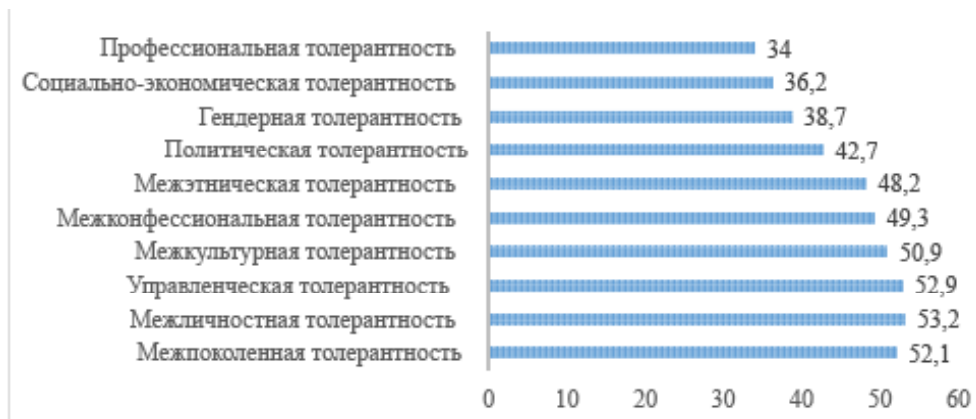

Рисунок 6 – Рейтинг видов толерантности у студентов по методике Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ср. ариф.)

Высокий уровень толерантности студенты демонстрируют по 4 шкалам:

- межпоколенная толерантность (ср. ариф. 52,1) – проявляющаяся в чувстве уважения в отношении к представителям другого поколения;

- межличностная толерантность (ср. ариф. 53,2) – проявляющаяся в уважении по отношению людей друг к другу;

- управленческая толерантность (ср. ариф. 52,9) – проявляющаяся в уважении управленче-

ских отношений, когда осуществляется взаимодействие «руководитель-подчиненный»;

- межкультурная толерантность (ср. ариф. 50,9) – проявляющаяся в уважении по отношению к членам культур, уважении межкультурных коммуникаций.

Что касается оставшихся 6 шкал, то по ним студенты показали:

- межконфессиональную толерантность (ср. ариф. 49,3) – раскрывающуюся в уважении людей другой конфессии;

- межэтническую толерантность (ср. ариф. 48,2) – раскрывающуюся в проявлении толерантности по отношению к членам иных этносов;

- политическую толерантность (ср. ариф. 42,7) – раскрывающуюся в проявлении толерантности по отношению к представителям властных и политических структур;

- гендерную толерантность (ср. ариф. 38,7) – раскрывающуюся в отношении представителей другого гендера;

- социально-экономическую толерантность (ср. ариф. 36,2) – раскрывающуюся в толерантности к представителям другого социального и материального положения и достатка;

- профессиональную толерантность (ср. ариф. 34,0) – проявляющуюся в отношении представителей других профессий.

Отметим, что самые низкие баллы и соответственно низкий рейтинг у трех видов толерантности – профессиональной, социально-экономической и гендерной.

Полученные данные позволяют составить рейтинг видов толерантности у студентов по методике Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (см. рисунок 7). Иерархия рейтинга детерминируется возрастными особенностями студенческой молодежи, определяемыми спецификой межличностного и межпоколенческого общения, культурным взаимодействием и структурой вуза, а также особенностями гендерных процессов, протекающих в стране, снижением уважения к другому полу, людям с меньшим финансовым достатком, и работающим на непрестижных профессиях.

С помощью U-критерия Манна-Уитни были изучены различия в видах толерантности, полученные с помощью методики Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности», данные представлены на рисунке 8.

На рисунке 8 видно, что выявлены различия в толерантности между юношами и девушками по 4 шкалам из 10:

- межпоколенная, гендерная и управленческая толерантность больше развита у девушек;

- межличностная толерантность больше развита у юношей.

Следующим шагом был анализ компонентов толерантности. В таблице 2 и на рисунке 9 представлен рейтинг компонентов толерантности у студентов.

Рисунок 7 – Рейтинг видов толерантности у студентов по методике Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности»

Высокий уровень студенты демонстрируют по 5 компонентам толерантности:

- ценностно-ориентационной составляющей (ср. ариф. 50,1), которая представляет собой толерантность как высшую ценность, имеющую для личности ведущее значение;

- аффективной составляющей (ср. ариф. 50,4), демонстрирующей высокую представленность в структуре толерантности чувств, переживаний и эмоций;

- потребностно-мотивационной составляющей (ср. ариф. 51,7), отражающей высокую социальную потребность в толерантном отношении к другим людям;

- идентификационно-групповой составляющей (ср. ариф. 52,8), иллюстрирующей высокую

степень построения толерантности студентов на механизмах их идентификации себя как члена референтной группы;

- деятельностно-стилевой составляющей (ср. ариф. 54,2), проявляющейся в стабильном стиле деятельности;

По остальным 5 компонентам толерантности студенты показывают средние показатели:

- личностно-смысловая составляющей (ср. ариф. 40,3) – средний уровень важности, осмысленности толерантности;

- когнитивной составляющей (ср. ариф. 44,5) – средний уровень стремлений к пониманию, проявлению интереса к иному мнению собеседника;

- этико-нормативной составляющей (ср. ариф. 47,6) – средняя включенность в структуру толерантности как этическая норма и долженствования;

- идентификационно-личностной составляющей (ср. ариф. 48,1), которая указывает на то, что толерантность базируется на личностной самоидентификации, полученный балл говорит о средней степени сформированности репертуара идентичностей в сферах проявления толерантности;

- конативной составляющей (ср. ариф. 48,2) – средняя готовность к взаимодействию, к поведению уравновешенного, неимпульсивного человека.

Рисунок 8 – Значимые различия в видах толерантности, полученные с помощью методики Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ср. ранги)

Таблица 2 – Рейтинг компонентов толерантности у студентов по методике Г. Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ВИКТИ)

Компоненты толерантности	Ранг	Ср. значение
Деятельностно-стилевой компонент	1	54,2
Идентификационно-групповой компонент	2	52,8
Потребностно-мотивационный компонент	3	51,7
Аффективный компонент	4	50,4
Ценностно-ориентационный компонент	5	50,1
Конативный компонент	6	48,2
Идентификационно-личностный компонент	7	48,1
Этико-нормативный компонент	8	47,6
Когнитивный компонент	9	44,5
Личностно-смысловой компонент	10	40,3

Отметим, что самые низкие баллы и соответственно низкий рейтинг у трех компонентов толерантности – личностно-смысловом, когнитивном и этико-нормативном.

Полученные данные позволяют составить рейтинг компонентов толерантности у студентов по методике Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (рисунок 10).

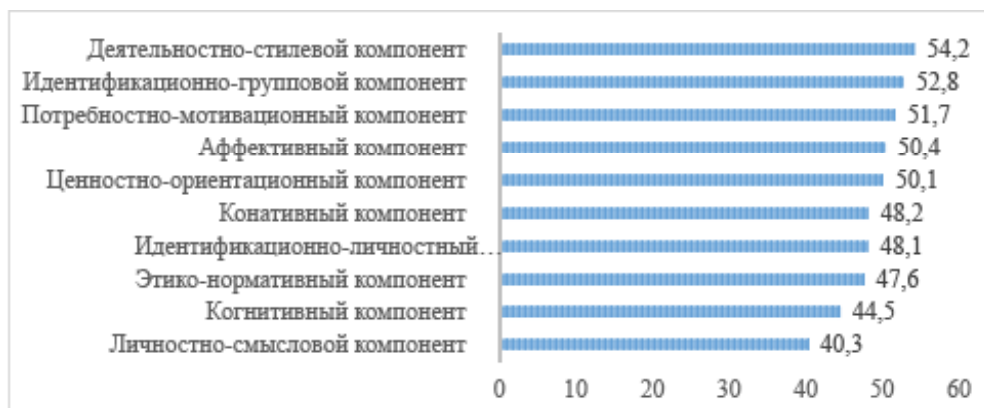

Рисунок 9 – Рейтинг компонентов толерантности у студентов по методике Г. Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ср. ариф.)

Рисунок 10 – Рейтинг компонентов толерантности у студентов по методике Г.Л. Бардиера «Виды и компоненты толерантности-интолерантности»

Это свидетельствует о том, что у студентов в структуре толерантности преобладают представления о высокой ценности и развитой социальной потребности толерантного, уважительного отношения к другим людям, данная потребность базируется на идентификации с близкой референтной группой, высокой ценности чувств и стабильном проявлении толерантности в деятельности.

С помощью U-критерия Манна-Уитни были изучены различия в компонентах толерантности, полученные с помощью методики Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности», данные представлены в таблице 6 и на рисунке 11.

Из рисунка 11 видно, что выявлены различия в компонентах толерантности между юношами и девушками по 4 вертикальным шкалам из 10:

Рисунок 11 – Значимые различия в компонентах толерантности, полученные с помощью методики Г.Л. Бардиер «Виды и компоненты толерантности-интолерантности» (ср. ранги)

Аффективный и конативный компоненты толерантности больше развиты у девушек. Это указывает на то, что у девушек эмоции, чувства, переживания и возможности их проявления представляют ценности. Иными словами, готовность к взаимодействию как поведенческая характеристика, проявляющаяся в уравновешенном поведении.

Деятельностно-стилевой и ценностно-ориентационный компоненты больше развиты у юношей. Это указывает на то, что юношей характеризуются высокой готовностью к устойчивому, стабильному виду деятельности. При этом приоритетом и ценностью является толерантное и уважительное отношения. В ходе исследования был проведен корреляционный анализ (r-Spearman's) между методиками на изучение толерантности и склонности к насильственному экстремизму. Таким образом, мы видим, что:

Социальная толерантность связана 8 отрицательными и 1 положительной корреляцией с диспозициями насильственного экстремизма: Антиинтрацепция ($r=-0,449^{**}$); Социальный

пессимизм ($r=-0,369^{**}$); Допустимость агрессии ($r=-0,367^{**}$); Деструктивность и цинизм ($r=-0,323^{**}$); Интолерантность ($r=-0,435^{**}$); Протестная активность ($r=-0,378^{**}$); Нормативный нигилизм ($r=-0,257^{**}$); Культ силы ($r=-0,387^{**}$); Конформизм ($r=0,413^{**}$).

Этническая толерантность связана отрицательными корреляциями с 5 диспозициями насильственного экстремизма: Мистичность ($r=-0,323^{**}$); Интолерантность ($r=-0,379^{**}$); Допустимость агрессии ($r=-0,368^{**}$); Протестная активность ($r=-0,294^{**}$); Конвенциональное принуждение ($r=-0,376^{**}$).

Толерантность как черта личности связана отрицательными корреляциями с 7 диспозициями насильственного экстремизма: Социальный пессимизм ($r=-0,338^{**}$); Интолерантность ($r=-0,394^{**}$); Конвенциональное принуждение ($r=-0,331^{**}$); Деструктивность и цинизм ($r=-0,324^{**}$); Культ силы ($r=-0,409^{**}$); Допустимость агрессии ($r=-0,372^{**}$); Нормативный нигилизм ($r=-0,287^{**}$).

Общий уровень толерантности связан отрицательными корреляциями с 9 диспози-

циями насильственного экстремизма: Конвенциональное принуждение ($r=-0,333^{**}$); Допустимость агрессии ($r=-0,185$); Нормативный нигилизм ($r=-0,219^{**}$); Мистичность ($r=-0,230^{**}$); Деструктивность и цинизм ($r=-0,329^{**}$); Культ силы ($r=-0,390^{**}$); Протестная активность ($r=-0,272^{**}$); Интолерантность ($r=-0,347^{**}$); Антиинтрацепция ($r=-0,309^{**}$).

Корреляционный анализ между типами толерантности и диспозициями насильственного экстремизма показал:

Межпоколенная толерантность связана отрицательными корреляциями с 4 диспозициями насильственного экстремизма: Культ силы ($r=-0,291^{**}$); Интолерантность ($r=-0,392^{**}$); Конвенциональное принуждение ($r=-0,326^{**}$); Конформизм ($r=-0,299^{**}$).

Гендерная толерантность связана отрицательными корреляциями с 6 диспозициями насильственного экстремизма: Культ силы ($r=-0,247^{**}$); Допустимость агрессии ($r=-0,230^{**}$); Интолерантность ($r=-0,318^{**}$); Конвенциональное принуждение ($r=-0,230^{**}$); Деструктивность и цинизм ($r=-0,301^{**}$); Антиинтрацепция ($r=-0,298^{**}$).

Межличностная толерантность связана отрицательными корреляциями с 4 диспозициями насильственного экстремизма: Культ силы ($r=-0,218^{**}$); Интолерантность ($r=-0,372^{**}$); Конвенциональное принуждение ($r=-0,276^{**}$); Социальный пессимизм ($r=-0,422^{**}$).

Межэтническая толерантность связана отрицательными корреляциями с 6 диспозициями насильственного экстремизма: Культ силы ($r=-0,310^{**}$); Допустимость агрессии ($r=-0,258^{**}$); Интолерантность ($r=-0,247^{**}$); Конвенциональное принуждение ($r=-0,286^{**}$); Мистичность ($r=-0,396^{**}$); Социальный пессимизм ($r=-0,195^{**}$).

Межкультурная толерантность связана отрицательными корреляциями с 6 диспозициями насильственного экстремизма: Допустимость агрессии ($r=-0,298^{**}$); Интолерантность ($r=-0,392^{**}$); Конвенциональное принуждение ($r=-0,326^{**}$); Мистичность ($r=-0,385^{**}$); Культ силы ($r=-0,291^{**}$); Социальный пессимизм ($r=-0,422^{**}$).

Межконфессиональная толерантность связана отрицательными корреляциями с 5 диспозициями насильственного экстремизма: Допустимость агрессии ($r=-0,230^{**}$); Интолерантность ($r=-0,318^{**}$); Конвенциональное принуждение ($r=-0,230^{**}$); Мистичность ($r=-0,300^{**}$); Социальный пессимизм ($r=-0,247^{**}$).

Социально-экономическая толерантность связана отрицательными корреляциями с 3 диспозициями насильственного экстремизма: Интолерантность ($r=-0,372^{**}$); Культ силы ($r=-0,218^{**}$); Социальный пессимизм ($r=-0,276^{**}$).

Выводы

Таким образом, проведенное исследование особенностей толерантности/интолерантности показало:

Превышение максимального показателя по 4 диспозициям насильственного экстремизма: культ силы, допустимость агрессии, конвенциональное принуждение и конформизм, что указывает на предрасположенность молодежи к проявлению экстремизма. Важно отметить, что исследование проводилось онлайн в связи с пандемией и систематически вводимыми локдаунами, что тоже могло сказаться на том, что результаты по шкалам «культ силы» и «конвенциональное принуждение» повышены.

Выявлены гендерные различия в уровне развития диспозициями насильственного экстремизма. У юношей показатели по шкалам «культ силы», «допустимость агрессии» и «нормативный нигилизм» выше, они воспринимают мир с позиции «сильный-слабый», для них характерна личная готовность к насилию в ситуации фрустрации и игнорирование норм поведения. У девушек выше показатели по шкале конформизма, что указывает на слабость внутренних регуляторов поведения и высокую сопричастность со своей группой.

Общий интегративный уровень толерантности студентов соответствует среднему уровню и является показателем того, что студенты могут сочетать как толерантные, так и интолерантные черты. При одних обстоятельствах они могут выражать толерантность, но есть такие ситуации, где они проявляют интолерантность. Так, 87% исследуемых студентов показали наличие среднего индивидуального уровня, для 11% – низкий уровень; только для 2% молодых людей характерен высокий уровень толерантности.

Молодые люди выделяют социальную и межэтническую толерантность, проявляющуюся в уважении в отношениях между людьми, в толерантном отношении к членам других этнических групп как очень значимую. Наименее значимой оказалась личная толерантность, раскрывающаяся в умении прощать, понимать других и другие точки зрения.

По межпоколенной, межличностной, управленческой и межкультурной толерантности

студенты также демонстрируют высокий уровень, что характерно и для следующих 5 компонентов толерантности (деятельностно-стилевой, идентификационно-групповой, потребностно-мотивационный, аффективный и ценностно-ориентационный компоненты). По остальным видам и компонентам студенты показывают средние показатели.

Выявлены гендерные различия в развитии толерантности у студентов. Девушки демонстрируют более высокий общий уровень толерантности, социальной толерантности и развития толерантности как черты личности ($p \leq 0,05$). Межпоколенная, гендерная и управленческая толерантность больше развита у девушек ($p \leq 0,05$); межличностная толерантность больше развита у юношей ($p \leq 0,05$). Аффективный и конатативный компоненты толерантности больше развиты у девушек ($p \leq 0,05$). Деятельностно-стилевой и ценностно-ориентационный компоненты больше развиты у юношей ($p \leq 0,05$).

Выявлена взаимосвязь между различными типами и аспектами толерантности и диспозициями насильственного экстремизма. В ходе корреляционного анализа выявлены отрицательные взаимосвязи между видами толерантности и компонентами толерантности с диспозициями насильственного экстремизма, что указывает на то, что развитая толерантность как черта личности противостоит формированию экстремистских настроений у молодежи.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что социально-психологический феномен – толерантность/интолерантность, являющийся отражением радикалистских тенденций, определяется гендерными различиями, ингруп-

повым фаворитизмом (принадлежность к своей группе), настроениями, менталитетом, картиной мира, ценностями и ценностными ориентациями казахстанской студенческой молодежи.

В эпоху глобализации изучение толерантности/интолерантности как проявления радикалистских настроений у молодежи, трансформируясь и модифицируясь, принимая разнообразные виды, адекватные новым вызовам и рискам, сохраняет актуальность. Сегодня радикалистские настроения, в целом радикализм в Казахстане – это существующая реальность, набирающая обороты, с которой необходимо считаться. Свидетельством этого явились события последних дней, произошедшие в ряде крупных городов республики. Поэтому важное значение приобретает достижение общественного согласия между политическими силами, укрепление диалога государственных структур с населением. При этом актуализируется проблема защиты прав каждого рядового казахстанца, особенно молодежи, соблюдение ее прав, справедливость, борьба с коррупцией. Особое звучание получает уважение культурного и религиозного многообразия молодых людей, проживающих в полиэтничном и многоконфессиональном государстве, ликвидация всех форм расовой, этнической и других форм дискриминации, аутгрупповой враждебности. В связи с этим актуальность исследования толерантности/интолерантности как проявления подверженности радикалистским настроениям студенческой молодежи очевидна.

Статья написана в рамках Проекта Министерства образования и науки Республики Казахстан «Психофизиологическое исследование подверженности радикалистским настроениям с помощью полиграфа и первичная профилактика радикализации студентов» (ИРН- АРО 9261155).

Литература

- Abbas T. Islamophobia and the Politics of Young British Muslim Ethno-Religious Identities // *Youth Work and Islam*. – 2011. – P. 53-71. DOI: 10.1007/978-94-6091-636-6_4
- Аймаганбетова О.Х., Аймаганбетов А.Б., Ли А.В., Сеилханова М. Е. Кросс-культурное исследование религиозных предпочтений и ориентаций студенческой молодежи: монография. – Алматы: Қазақ университеті, 2018. – 196 с.
- Аймаганбетова О.Х., Касен Г.А., Мадалиева З.Б., Закарьянова Ш.Н., Садвакасова З.М. Основные направления парадигмы радикализма. Особенности психофизиологического исследования с помощью полиграфа. – Алматы: Қазақ университеті, 2021. – 153 с.
- Анциферова Н.Г. Этническая толерантность в современном российском обществе: состояние и тенденции развития: автореф. дис. ... канд. соц. наук: 22.00.08. – М., 2007. – 18 с.

- Бейсембаев С. Религиозный экстремизм в Казахстане: между криминалом и джихадом. – 2014. <http://www.ofstrategy.kz/index.php/ru/research/socialresearch/item/485-religioznyj-ekstremizm-v-kazakhstane-mezhdu-kriminalom-i-dzhikhadom>
- Бейсембаев С. Некоторые аспекты совершенствования политики профилактики насильственного экстремизма в Казахстане // *Материалы международной научно-практической конференции «Профилактика экстремизма. Успехи и трудности»*. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2014. – С. 98-104.
- Burhanuddin A., Yani A. Ahmad, Hans A., Hidayat A. Rahmat, Pudail M. Mapping Youth Radicalism and Socio-Religious Intolerance in social media // *Conference: Proceedings of the 1st Hasanuddin International Conference on Social and Political Sciences, HICOSPOS*. – 2019. DOI:10.4108/eai.21-10-2019.2291531
- Галкин А.А., Красин Ю.А. Культура толерантности перед вызовами глобализации // *Социологические исследования*. – 2009. – № 8. – С. 81-93.
- Clobert M., Saroglou V., Hwang K.K. East Asian religious tolerance versus Western monotheist prejudice: The role of (in) tolerance of contradiction // *Group processes & intergroup relations*. – 2017. – Vol. 20. – №2. – P. 216-232. doi:10.1177/1368430215603458
- Карин Е. Солдаты Халифата: миф и реальность. – Алматы: Vlast, 2014. – 235 с.
- Кудрина Е.Л., Кудрин В.С. Основные тенденции молодежного экстремизма в современной социально-культурной ситуации // *Вестник Кемеровского гос. университета культуры и искусств*. – 2015. – №32. – С. 205-212.
- Кудрина Е.Л., Кудрин В.С. Феномен толерантности в противодействии возникновению экстремизма в молодежной среде // *Вестник Кемеровского гос. ун-та культуры и искусств*. – 2015. – № 33/2. – С. 171-177.
- Литвинова В.Л. Социально-психологические условия формирования межэтнической толерантности российской молодежи: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.05. – М., 2007. – 35 с.
- Малютин И.П. Формирование толерантности в образовательной среде [Электронный ресурс]. – 2007. URL: www.hrono.info/text/2007/mal03_07.html.
- Muljadi Y. The Youth, The Sciences Students, and Religious Radicalism // *Al-Ulum*. – 2016. – №16(2). – P. 330-347. <https://www.researchgate.net/publication/319261855>. DOI:10.30603/au.v16i2.154
- Hassan G. Radical Islam / Islamic Radicalism: Towards a Theoretical Framing. – 2013. https://www.researchgate.net/publication/266030514_Radical_Islam_Islamic_Radicalism_Towards_a_Theoretical_Framing
- Neumann M. What's Left? radical politics and the radical psyche. – Peterborough (Canada); Lewiston (N.Y.), 1988. – P. 230.
- Нуршанов А.А. Новые исламистские течения в контексте современной мировой геополитики: дисс. на соиск. степени доктора философии (PhD). – Алматы, 2020. – 159 с.
- Satershinov B.M., Shaukenova Z.K., Zhandosova Sh. Political Islam: Conceptual Problems in the Relationship of Politics and Islam // *World Academy of Science, Engineering and Technology*. – Tokyo, Japan. – 2012. – № 65. – P. 1406-1412.
- Feffer J. Crusade 2.0: The West's Resurgent War on Islam. – San Francisco: City Lights Open Media, 2012. – 200 p.

References

- Abbas T. (2011) Islamophobia and the Politics of Young British Muslim Ethno-Religious Identities. *Youth Work and Islam*, pp. 53-71. DOI: 10.1007 / 978-94-6091-636-6_4
- Aimaganbetova O.Kh., Aimaganbetov A.B., Li A.V., Seilkhanova M.E. (2018) Kross-kul'turnoye issledovaniye religioznykh predpochteniy i oriyentatsiy studencheskoy molodezhi [Cross-cultural research of religious preferences and orientations of student youth: monograph]. *Almaty: Kazakh University*, 196p.
- Aimaganbetova O.Kh., Kasen G.A., Madalieva Z.B., Zakaryanova Sh.N., Sadvakasova Z.M. (2021) Osnovnyye napravleniya paradigmy radikalizma. Osobennosti psikhofiziologicheskogo issledovaniya s pomoshch'yu poligrafa [The main currents of the radicalism paradigm. Peculiarities of a psychophysiological polygraph research]. *Almaty: Kazakh University*, 153 p.
- Antsiferova N.G. (2007) *Etnicheskaya tolerantnost' v sovremennom rossiyskom obshchestve: sostoyaniye i tendentsii razvitiya* [Ethnic tolerance in modern Russian society: state and development trends]: author. dis. ... cand. social sciences: 22.00.08. Moscow, 18 p.
- Beisembaev S. (2014) *Religioznyy ekstremizm v Kazakhstane: mezhdru kriminalom i dzhikhadom* [Religious extremism in Kazakhstan: between crime and jihad]. <http://www.ofstrategy.kz/index.php/ru/research/socialresearch/item/485-religioznyj-ekstremizm-v-kazakhstane-mezhdu-kriminalom-i-dzhikhadom>
- Beisembaev S. (2014) *Nekotoryye aspekty sovershenstvovaniya politiki profilaktiki nasil'stvennogo ekstremizma v Kazakhstane. Profilaktika ekstremizma. Uspekhi i trudnosti* [Some aspects of improving the policy of preventing violent extremism in Kazakhstan. Prevention of extremism. Successes and difficulties]. *Materials of the international scientific-practical conference. Nur-Sultan: KISS under the President of the Republic of Kazakhstan*, pp. 98-104.
- Burhanuddin A., Yani A. Ahmad, Hans A., Hidayat A. Rahmat, Pudail M. (2019) *Mapping Youth Radicalism and Socio-Religious Intolerance in social media*. *Conference: Proceedings of the 1st Hasanuddin International Conference on Social and Political Sciences, HICOSPOS*. DOI: 10.4108 / eai.21-10-2019.2291531
- Galkin A.A., Krasin Yu.A. (2009) *Kul'tura tolerantnosti pered vyzovami globalizatsii* [A Culture of Tolerance Facing the Challenges of Globalization]. *Sociological research*, no 8, pp. 81-93.
- Clobert M., Saroglou V., Hwang K.K. (2017) East Asian religious tolerance versus Western monotheist prejudice: The role of (in) tolerance of contradiction. *Group processes & intergroup relations*, vol. 20, no 2, pp. 216-232. doi: 10.1177 / 1368430215603458
- Karin E. (2014) *Soldaty KHalifata: mif i real'nost'* [Soldiers of the Halifat: Myth and Reality]. *Almaty: Vlast*, 235 p.

Kudrina E.L., Kudrin V.S. (2015) Osnovnyye tendentsii molodezhnogo ekstremizma v sovremennoy sotsial'no-kul'turnoy situatsii [The main tendencies of youth extremism in the modern socio-cultural situation]. Bulletin of the Kemerovo State. University of Culture and Arts, no 32, pp. 205-212.

Kudrina E.L., Kudrin V.S. (2015) Fenomen tolerantnosti v protivodeystvii vozniknoveniyu ekstremizma v molodezhnoy srede [The phenomenon of tolerance in countering the emergence of extremism among the youth]. Bulletin of the Kemerovo State. University of Culture and Arts, no 33/2, pp. 171-177.

Litvinova V.L. (2007) Sotsial'no-psikhologicheskiye usloviya formirovaniya mezhetnicheskoy tolerantnosti rossiyskoy molodezhi [Socio-psychological conditions for the formation of interethnic tolerance of Russian youth]: author. dis. ... cand. psychol. sciences: 19.00.05, Moscow, 35 p.

Malyutin I.P. (2007) Formirovaniye tolerantnosti v obrazovatel'noy srede [Formation of tolerance in the educational environment]. [Electronic resource], URL: www.hrono.info/text/2007/mal03_07.html.

Muljadji Y. (2016) The Youth, The Sciences Students and Religious Radicalism. Al-Ulum, no 16 (2), pp. 330-347. <https://www.researchgate.net/publication/319261855>. DOI: 10.30603 / au.v16i2.154

Hassan G. Radical (2013) Islam / Islamic Radicalism: Towards a Theoretical Framing. https://www.researchgate.net/publication/266030514_Radical_Islam_Islamic_Radicalism_Towards_a_Theoretical_Framing

Neumann M. (1988) What's Left: radical politics and the radical psyche. Peterborough (Canada); Lewiston, N.Y., pp. 230.

Nurshanov A.A. (2020) Novyye islamistskiye techeniya v kontekste sovremennoy mirovoy geopolitiki: diss. na soisk. stepeni doktora filosofii [New Islamist currents in the context of modern world geopolitics]: diss. for a job. degree of Doctor of Philosophy (PhD). Almaty, 159 p.

Satershinov B.M., Shaukenova Z.K., Zhandosova Sh. (2012) Political Islam: Conceptual Problems in the Relationship of Politics and Islam. World Academy of Science, Engineering and Technology. Tokyo, Japan, no 65, pp. 1406-1412.

Feffer J. (2012) Crusade 2.0: The West's Resurgent War on Islam. San Francisco: City Lights Open Media, 200 p.